

Д.В. Жигульская*

**ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНИМОСТИ «ТУРЕЦКОЙ МОДЕЛИ»
В ГОСУДАРСТВАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ПОСЛЕ «АРАБСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ»:
ПРИМЕР ЕГИПТА****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Болезненные трансформационные процессы, запущенные на Ближнем Востоке событиями «Арабского пробуждения», не только столкнули государства региона с новыми вызовами безопасности, но и открыли перед некоторыми из них новые возможности для реализации лидерских амбиций, укрепления своих стратегических позиций, в том числе с опорой на нетрадиционные методы и инструменты. В этом отношении отдельного рассмотрения заслуживают попытки Турции использовать интерес пришедших к власти на волне революционных выступлений правительств ряда стран к перениманию турецкого опыта в области государственностроительства. Воплощением этих попыток стала концепция «турецкой модели». Наибольшую активность в имплементации этой модели в начале 2010-х годов проявил Египет. В статье рассмотрены факторы, обусловившие повышенное внимание правительства М. Мурси к опыту Анкары, и причины, которые в конечном счете привели к провалу попыток использования «турецкой модели» в египетских реалиях и последующему резкому ухудшению двусторонних отношений. В первой части статьи выявлены ключевые характеристики «турецкой модели». В частности, автор отмечает, что базовую роль в ней играет нахождение оптимального баланса между религиозным и светским началом в общественной жизни. Во второй части

* Жигульская Дарья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН (e-mail: dvzhigulskaya@gmail.com).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

рассмотрены попытки правительства М. Мурси имплементировать «турецкую модель» в Египте в первой половине 2010-х годов. Автор показывает, что основными причинами ее привлекательности для нового египетского руководства были экономические и политические успехи Турции в 1990–2000-е годы, выразившиеся в высоких темпах экономического роста и увеличения иностранных инвестиций, а также в успешном сочетании идей политического ислама с демократическими институтами западного образца. В то же время, как заключает автор, правительство М. Мурси не приняло достаточных мер, направленных на реформирование экономики, социальной и политической системы, что в совокупности с отсутствием единства во взглядах на «турецкую модель» внутри «Братьев-мусульман», ростом народного недовольства и негативным отношением к декларируемому новому курсу египетского руководства со стороны ряда влиятельных региональных игроков привело к военному перевороту и сворачиванию всех попыток дальнейшей имплементации турецкого опыта. В третьей части кратко обрисованы последствия военного переворота 2013 г. для турецко-египетских отношений. Автор заключает, что обращение к египетскому кейсу позволяет рельефно обозначить пределы применимости «турецкой модели» в ближневосточных государствах в современных условиях, а также дополнительно подсветить существующие ограничители для реализации Турцией своих лидерских амбиций в регионе.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Арабская Республика Египет, «Арабское пробуждение», «турецкая модель», «Братья-мусульмане», Партия справедливости и развития, политический ислам, секуляризм, Реджеп Тайип Эрдоган, Хосни Мубарак, Мухаммед Мурси, Абдель Фаттах ас-Сиси.

Возникновение и семантические особенности термина «турецкая модель»

Термин «турецкая модель» приобрел популярность в начале 1990-х годов. Именно тогда впервые была артикулирована идея, согласно которой Турция может выступить в качестве своеобразного образца в процессе национального строительства в бывших республиках Советского Союза в Центральной Азии и на Кавказе. Среди преимуществ «турецкой модели» прежде всего отмечали светский режим современной Турции, многопартийную систему, сотрудничество с Западом и рыночную экономику [Sengupta, 2014: 4].

Вместе с тем необходимо отметить, что в научной среде не существует полного консенсуса в отношении термина «турецкая модель» [Ozkaleli, Konuloglu Ozkaleli, 2003]. Его восприятие во многом субъективно и зависит от «угла зрения смотрящего». Главным дискуссионным вопросом, красной нитью проходящим через все исследования по этой теме, остается поиск баланса между двумя формирующими элементами «турецкой модели» — кемалистской идеологией и исламом.

Зачастую предпосылки возникновения «турецкой модели» относят к периоду Танзимата (1839–1876). Так, И. Бал отмечает, что многочисленные реформы, предпринятые в ходе процесса вестернизации в Османской империи, заложили основу для дальнейших преобразований режима Ататюрка. При этом явление, известное сегодня под термином «турецкая модель», приобрело свои очертания в период с 1923 по 1928 г. [Bal, 2000].

В основе «турецкой модели» заложен принцип секуляризма. Важно отметить, что турецкий секуляризм аналогичен французскому лаицизму, т.е. не просто разделяет государство и религию, но подчиняет последнюю государству. И хотя сегодня подавляющее большинство населения страны поддерживает такую интерпретацию принципа секуляризма, споры вокруг его трактовок не прекращаются. В частности, видение правящей Партии справедливости и развития (ПСР) существенно отличается от понимания этого явления кемалистами [Kuru, 2006]. Так, ПСР придерживается точки зрения, что религия может быть инкорпорирована в общественную и политическую сферы без ущерба светскому характеру государственной системы. Кемалисты, напротив, заявляют, что секуляризм в стране находится под угрозой, пока с ним экспериментируют люди, для которых исламские референции имеют большое значение. В этом споре первоочередной задачей является установление границ между общественной и личной сферами [White, 2005].

Известно, что процесс модернизации в Турции, который был проектом кемалистского режима, производился «сверху вниз», неизбежно порождая различные противоречия. Кемализм стремился создать «современную Турцию», где привязанность к традиционным ценностям, таким как религия или этническое происхождение, виделась иррациональной, и ставил перед собой задачу формирования порядка, отвечающего принципам развитой западной цивилизации [Ciddi, 2009]. В частности, кемализм традиционно придерживался классической концепции

современности, согласно которой модернизация представляет собой процесс, предполагающий рациональную реорганизацию всех сфер общественной жизни [Habermas, 1981].

В отношении религии республиканское правительство использовало двойной дискурс: с одной стороны, установило четкое разделение между исламом и политической сферой, с другой — инкорпорировало различными способами исламские нарративы в систему. После провозглашения республики была предпринята попытка отделить регрессивное течение в исламе от прогрессивного, которое должно было стать опорой и инструментом дальнейшей модернизации. При этом важно иметь в виду, что турецкий ислам всегда находился под сильным влиянием суфийской традиции. Благодаря этому факту, как отмечают исследователи, исламу в Турции всегда были чужды радикальные формы интерпретации религии [Yavuz, 2004]. «Инструментализация» ислама в стране продолжалась до начала 1990-х годов. В этот период значительно поменялось отношение государства к религии, исламские понятия были интегрированы в политический процесс, а популярность стала приобретать постмодернистская критика кемалистской модели.

Представляется целесообразным заключить: «турецкая модель» является результатом сложных и многоаспектных отношений между исламом и республиканским режимом. Политику, культуру и национальную идентичность в современной Турции нельзя рассматривать вне этого контекста. В то время как исламизм и кемализм представляют собой соперничающие идеологии с собственным видением общества и идентичности, они оказываются теснейшим образом переплетенными в генезисе сегодняшней Турции [Cerami, 2013: 146]. Конфликт между современным и доmodernым, основными правами и свободами человека и авторитаризмом продолжается до сих пор наряду со стремлением найти гармоничный баланс между соперничающими парадигмами Востока и Запада [Javaid, Waqi Sajjad, 2015: 316].

Возможности имплементации «турецкой модели» в других странах мусульманского мира стали особенно активно обсуждаться в период, последовавший за трагедией 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. В это время межцивилизационный диалог воспринимался западными элитами в качестве императива и гаранта мирового порядка и безопасности. Турция выглядела в этой связи особенно привлекательно как пример успешного объединения исламской культурной идентичности с политической

демократией, экономикой свободных рынков и прозападной внешнеполитической ориентацией¹ [Taşpınar, 2012].

Подобный всплеск интереса к «турецкой модели» наблюдался затем в период «арабской весны», когда международное сообщество вновь обратилось к Турции в качестве «модельного объекта» для стран Ближнего Востока, пытавшихся найти свой путь к демократии [Brunwasser, 2011]. Выдвигался тезис о том, что турецкий пример несет «демонстративный эффект» и важен с точки зрения перенимания опыта постепенной трансформации и поэтапной демократизации [Ulgen, 2011]. Важно, что «турецкая модель», которую поддерживал Запад, также приобрела широкий круг сторонников в арабских странах. Так, опрос Турецкой ассоциации экономических и социальных исследований (TESEV), проведенный в 2010–2012 гг., показал, что примерно 60% арабов видели Турцию в качестве модели, которая сможет сыграть конструктивную роль в трансформации региона².

Результаты опроса, выполненного в рамках проекта «Арабский барометр» (2011), также подтверждают эту идею. Согласно опросу жители арабских стран оценивали режим в Турции как умеренно демократический со средним показателем 6,4 (где 0 — минимальный порог; 10 — максимальный критерий). Примечательно, что показатель уровня демократии в США в том же исследовании составил 7,3, т.е. лишь на 0,9 выше, чем в Турции. Из этого можно сделать вывод, что опрошиваемые оценивали турецкую демократию как практически равную американской [Seyhun, 2018].

При этом стоит отметить, что наряду с довольно «романтической» интерпретацией перспектив применения «турецкой модели» в странах Ближнего Востока встречаются и гораздо более критические оценки активной политики Турции в регионе. Так, существует мнение, что Анкара была не слишком заинтересована в построении политических и институциональных систем турецкого типа во всем Ближневосточном регионе, а скорее стремилась к признанию своего лидерства основными политическими игроками, такими как Саудовская Аравия и Иран, а также западными силами — США и ЕС. «Турецкая модель» при

¹ Dagı I.D. Islamic identity in post Kemalist Turkey and the West // Today's Zaman. 16.03.2009. Available at: <http://ihsandagi.blogspot.com/2009/03/islamic-identity-in-post-kemalist.html> (accessed: 22.05.2019).

² Kirişçi K. The rise and fall of Turkey as a model for the Arab World // Brookings. 15.08.2013. Available at: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/08/15-rise-and-fall-turkey-model-middle-east> (accessed: 21.05.2019).

этом использовалась в качестве инструмента в борьбе за влияние [Ayooob, 2011; Ennis, Momani, 2013; Göksel, 2013]. Еще одним важным мотивом во внешней политике Анкары после «арабской весны» было укрепление сотрудничества в экономической и политической сферах с новоизбранными демократическими режимами. Этому способствовало и то, что ПСР традиционно выступала с осуждением авторитарных правительств, тем самым увеличивая популярность внутри страны и за рубежом [Işıksal, 2018: 22].

Однако, несмотря на большие надежды, возлагавшиеся на «турецкую модель» как Западом, так и самими арабскими странами, находившимися в процессе трансформации, она не стала универсальным решением на Ближнем Востоке (так же, как в 1990-х годах не прижилась на постсоветском пространстве). Турбулентный период после 2011 г. поставил под сомнение достоинства «турецкой модели» как таковой [Torelli, 2018]. Причина неудач обусловлена широким спектром факторов, в том числе политическими, социальными и культурными особенностями каждой страны в отдельности. Далее, в частности, будет рассмотрен пример Египта как один из наиболее репрезентативных. При этом целесообразно, на наш взгляд, вписать «турецкую модель» в более широкий контекст развития двусторонних отношений до настоящего времени. Представляется, что именно неудача в реализации «модели» стала одной из причин, негативно повлиявших на современное состояние турецко-египетских связей.

«Турецкая модель» в политической конъюнктуре Египта после революции 2011 г.

Вопрос применимости «турецкой модели» стал одним из важнейших в политической повестке дня арабских стран после волны революций 2011 г. и существенно повлиял на формирование их отношений с Турецкой Республикой. После череды протестов, которые охватили многие арабские страны, вакуум власти быстро заполнили политические игроки с исламской идеологией. Они стали рассматривать «турецкую модель» как своеобразный пример и искать пути ее перенимания и адаптации к новым постреволюционным реалиям. Сочетание политического ислама и идей социального равенства со стратегией либерализма в политической программе правящей в Турции ПСР были, как отмечают некоторые исследователи, главными критериями привлекательности «турецкой модели» [Akkoynlu et al., 2013: 9]. В свою очередь турецкое правительство намеревалось изменить баланс

сил на Ближнем Востоке, в том числе за счет распространения своей модели демократии в страны с новыми режимами. Ахмет Давутоглу, занимавший в то время пост министра иностранных дел, в своей книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции» [Davutoğlu, 2010] определил ключевую роль Египта, Турции и Ирана в развитии региона, а также выдвинул новую внешнеполитическую концепцию «ноль проблем с соседями», согласно которой Анкара должна была создать вокруг себя пояс дружественных государств³.

Для нового руководства Египта, пришедшего к власти после свержения Х. Мубарака, турецкая политическая модель была привлекательна также и тем, что она потенциально могла позволить расширить социальную и избирательную базу режима, включив в нее самые широкие слои населения [Dede, 2011]⁴. Примечательно, что еще в июле 2007 г. после победы ПСР на парламентских выборах руководитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Махди Акеф направил поздравительное послание премьер-министру Турецкой Республики Реджепу Тайипу Эрдогану, в котором охарактеризовал выборы как «возможность для исламских партий достичь конституционного, политического и экономического развития и проводить социальные реформы». Он также подчеркнул, что «опыт турецкой Партии справедливости и развития показателен и является примером того, как исламские партии в здоровой и свободной политической среде могут достичь высоких результатов»⁵. «Братья-мусульмане» заявляли, что «умеренность» ПСР служит примером для исламского движения в Египте. На их взгляд, турецкие власти предложили альтернативный путь между светскими авторитарными правительствами и радикальными исламистами, став образцом того, как партия с исламскими референциями через институциональные ограничения может быть включена в демократический процесс⁶ [Tol, 2012:

³ Davutoğlu A. Turkey's zero-problems foreign policy // Foreign Policy. 20.05.2010. Available at: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (accessed: 28.05.2019).

⁴ Sallam H. Obsessed with Turkish models in Egypt // Jadaliyya. 30.06.2013. Available at: <https://www.jadaliyya.com/Details/28879/Obsessed-with-Turkish-Models-in-Egypt> (accessed: 23.05. 2019).

⁵ Lessons from Turkey. The victory of Turkey's Islamists at the polls continues to reverberate in Egypt. Amira Howeydy finds out why // Al-Ahram Weekly. 01.08.2007. Available at: <http://weekly.ahram.org.eg/Archive/2007/855/eg8.htm> (assessed: 28.05.2019).

⁶ Karaveli H.M., Svante C.E. Turkey and the Middle Eastern revolts: Democracy or Islamism? // Turkey Analyst. 2011. № 4 (3). Available at: <https://www.turkeyanalyst.com>

352; Torelli, 2018]. Кроме того, симпатии среди членов «Братьев-мусульман» вызывали и попытки ПСР еще до «арабской весны» отстаивать интересы палестинцев.

Таким образом, сближение и укрепление дипломатических, военных и экономических связей между Турцией и Египтом после прихода там к власти «Братьев-мусульман» были вполне ожидаемыми.

Действительно, Р.Т. Эрдоган был одним из первых мировых лидеров, который поддержал революции и становление новых демократических режимов в арабских странах. В сентябре 2011 г. он отправился в турне по государствам, которые пережили «арабскую весну»: Египту, Ливии и Тунису. Во время визита в Каир Р.Т. Эрдоган выразил надежду на то, что Египет последует по пути демократии и светскости, который не подразумевает отказа от религиозных ценностей, а, наоборот, призывает уважать все религии [Stein, 2014]. Однако предложение турецкого премьер-министра было встречено неоднозначно, обозначив раскол внутри «Братьев-мусульман». Так, некоторые представители движения восприняли заявление Р.Т. Эрдогана как вмешательство во внутренние дела Египта, подчеркивая невозможность (и недопустимость) перенимания светской «турецкой модели» и указывая на шариат как единственно приемлемый в египетских условиях источник права⁷. Этот факт говорит о том, что среди членов «Братьев-мусульман» не было полного согласия в отношении будущего страны.

Тем не менее в сентябре 2012 г. новоизбранный президент Египта Мухаммед Мурси прибыл в Анкару для участия в очередном съезде ПСР. Он поддержал политику Турецкой Республики и оценил ее демократические достижения как «источник вдохновения для стран Ближнего Востока». М. Мурси также обозначил участие Турции в политических процессах региона как «необходимое для экономического и социального восстановления арабских стран после революций». Р.Т. Эрдоган в свою очередь также заявил, что «правящая политическая партия стала примером для других мусульманских государств»⁸.

[org/publications/turkey-analyst-articles/item/248-turkey-and-the-middle-eastern-revolts-democracy-or-islamism?.html](http://publications/turkey-analyst-articles/item/248-turkey-and-the-middle-eastern-revolts-democracy-or-islamism?.html) (assessed: 28.05.2019).

⁷Erdoğan'ın Laiklik Çağrısı Kızdırdı Müslüman Kardeşler: Koruyucuya İhtiyacımız Yok, İçişlerimize Karışmasın // Turktime. 15.09.2011. Available at: <http://www.turktime.com/haber/erdogan-in-laiklik-cagrisi-kizdirdi/157026> (accessed: 25.05.2019).

⁸Turkish ruling party model for Muslim states — Erdogan // BBC. 30.09.2012. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-19777742> (accessed: 25.05.2019).

В октябре 2012 г. также были проведены совместные военно-морские учения в Средиземном море⁹. Развитие двустороннего военного сотрудничества было отмечено еще одним событием — официальным визитом министра обороны Арабской Республики Египет Абдель Фаттаха ас-Сиси в Анкару по приглашению своего турецкого коллеги Исмета Йылмаза. Они обсудили пути укрепления военных связей между двумя странами¹⁰. Следует отметить, что для постреволюционного Каира налаживание военного сотрудничества было продиктовано обстановкой как внутри Египта, так и в регионе в целом.

В ноябре 2012 г. состоялся официальный двухдневный визит Р.Т. Эрдогана в Египет. Главы двух государств приняли участие в заседании Совета стратегического сотрудничества высшего уровня, в ходе которого было подписано 27 соглашений в сферах экономики, здравоохранения, образования, культуры и туризма. Стороны договорились увеличить объемы торговли между Турцией и Египтом¹¹. Р.Т. Эрдоган также принял участие в египетско-турецком бизнес-форуме, где еще раз подчеркнул важность развития двусторонних отношений и заявил, что египетский и турецкий народы — братские¹². В апреле 2012 г. был реализован проект морских перевозок между турецким портом Мерсин и египетской Александрией, в результате чего Египет стал мостом, связывающим Турцию с рынками Азии и Африки.

Можно заключить, что именно экономические успехи, которые ассоциировались с «турецкой моделью» и выражались в высоких темпах экономического роста и увеличении иностранных инвестиций в Турцию, выступали в рассматриваемый период главным фактором привлекательности идеи перенимания Египтом опыта этой страны. Турция начала свой путь к экономической либерализации в 1980-х годах. С тех пор в турецком

⁹ Egypt and Turkey hold joint naval exercise // Reuters. 08.10.2012. Available at: <https://af.reuters.com/article/worldNews/idAFBRE8970V120121008> (accessed: 25.05.2019).

¹⁰ Defence minister visits Turkey to discuss military cooperation // Aswat Masriya. 05.05.2013. Available at: <http://en.aswatmasriya.com/news/view.aspx?id=9f059b3d-5b82-43a9-9f74-5dbd117973b7> (accessed: 20.05.2019).

¹¹ Mısır'ı fethettik! Mısır ile Türkiye arasında bir dizi anlaşma imzalandı // Haberturk. 18.11.2012. Available at: <http://ekonomi.haberturk.com/makro-ekonomi/haber/795167-misirifethettik> (accessed: 20.05.2019).

¹² Kahire ile İstanbul'u kardeş şehir yapalım // Rizedeyiz. 18.11.2012. Available at: <https://www.rizedeyiz.com/Haber/Kahire-ile-Istanbulu-kardes-sehir-yapalim.html> (accessed: 17.05.2019).

обществе появился и начал расширяться новый средний класс так называемой исламской, или анатолийской буржуазии. Его представители были выходцами из провинциальных городов Анатолии, а ислам занимал важное место в их социальных и идеологических установках.

Однако новое руководство Египта продолжило начатый Хосни Мубараком в 1990-х годах неолиберальный экономический курс, который заслужил одобрение у западных стран, но стал одной из главных причин недовольства египетского общества, что привело к революции в 2011 г. [Nagarajan, 2013]. По сути, новые египетские власти ограничились попыткой нейтрализовать лишь самые тяжелые проявления «кланового капитализма» режима Х. Мубарака [Sika, 2015: 80], не решая фундаментальных экономических и социальных проблем, в то время как египетское общество, включая и религиозную его часть, ждало быстрого улучшения экономической ситуации в стране. Военная элита, традиционно играющая большую роль в политической и экономической жизни Египта, была обеспокоена провальной политикой М. Мурси, который не смог оправдать ожидания масс, участвовавших в революции в 2011 г., и возобновлением в стране народных волнений, потенциально способных перерасти в гражданскую войну. Опасения военных вызывало и увеличивавшееся влияние Турции на внешнюю политику Египта, которое угрожало вовлечь Каир в региональные конфликты (например, в Сирии). Несмотря на попытки М. Мурси и «Братьев-мусульман» выдать нараставший народный протест за происки противников ислама, удержаться у власти они не смогли. После свержения военными правительства М. Мурси в 2013 г. отношения с Турцией вновь приобрели напряженный характер, а вопрос пригодности «турецкой модели» в Египте стал неактуальным для новой власти.

Помимо внутренних факторов провалу попыток заимствования Египтом «турецкой модели» в значительной мере способствовала и позиция ряда региональных игроков. Так, только Турция и Катар оказывали ощутимую поддержку «Братьям-мусульманам». Для таких стран, как США, Израиль, Сирия и Саудовская Аравия, возможный альянс между Анкарой и Каиром в долгосрочной перспективе мог противоречить их региональным интересам, дестабилизировать баланс сил в регионе и уменьшить их влияние. Саудовская Аравия в первые дни осудила революцию 2011 г., в противовес Катару и Турции сделала ставку на военных, с которыми у нее имелись тесные связи, и поддержала

переворот 2013 г.¹³ Израиль тоже настороженно воспринял приход к власти в Египте исламистов, которые были намерены создать с Турцией альянс на Ближнем Востоке и заявляли о поддержке палестинцев. Сирия не могла допустить того, что в регионе будет еще одно государство, настроенное против режима Башара Асада, и тоже поддержала отстранение М. Мурси от власти.

Основные внутренние и внешние факторы, обусловившие неудачу попыток реализации «турецкой модели» в Египте, особенно рельефно проявляются при последовательном сопоставлении соответствующих турецких и египетских реалий (таблица).

Сравнительная оценка условий реализации «турецкой модели» в Турции под властью ПСР и в Египте в период правления М. Мурси

Фактор	Турция	Египет
Преобладающее отношение к западным ценностям	Положительное (реформы М.К. Атаюрка, либерализация экономики, тенденции интеграции в ЕС)	Отрицательное — в связи с негативными последствиями колониализма
Внутриполитическая конкуренция правящей партии, внедряющей «модель»	Практически отсутствует	Весьма значительная (салафитская партия «Аль-Нур», либерально-националистическая партия «Аль-Вафд»)
Практический политический опыт у партии, внедряющей «турецкую модель»	Существенный	Практически отсутствует
Влияние армии на внутриполитические процессы	Исторически значимое, проявившееся в ряде вмешательств в политические процессы (1960, 1971, 1980, 1997, 2016); последовательно уменьшается правящей партией ¹⁴	Традиционно доминирующее ¹⁵
Основной курс социально-экономического развития	Преимущественно рыночный	Преимущественно централизованный ¹⁶

¹³ Nordland R. Saudi Arabia promises to aid Egypt's regime // The New York Times. 19.08.2013. Available at: <https://www.nytimes.com/2013/08/20/world/middleeast/saudi-arabia-vows-to-back-egypts-rulers.html> (accessed: 02.05.2019).

¹⁴ См. подробнее: [Авси, 2011; Таş, 2018].

¹⁵ См. подробнее: [Arslantaş, 2013: 133–134].

¹⁶ См. подробнее: [Mitchell, 2002: 272–304].

Таким образом, становится очевидно, что в Египте исходно отсутствовали необходимые ключевые условия, обеспечившие в Турции как само формирование «модели», так и успех ее дальнейшей реализации. После военного переворота в Египте 3 июля 2013 г. и прихода к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси дискуссии о применимости «турецкой модели» были прекращены, в отношениях с Турцией наступили спад и стагнация.

Реакция Турции на военный переворот 2013 г. в Египте и изменение двусторонних отношений

Турция стала одной из немногих стран, которая в жесткой форме раскритиковала военный переворот в Египте, назвав его свержением демократически избранного президента¹⁷. Дипломатические отношения между двумя государствами были сведены до уровня временного поверенного в делах.

Двусторонние отношения стали еще более напряженными после массовых столкновений военных со сторонниками свергнутого президента, которые прошли в различных городах Египта и начались с разгрома палаточных лагерей исламистов 14 августа 2013 г. возле мечети Рабаа Аль-Адавия на востоке Каира и на площади Нахда на западе города. Турция резко осудила насилие в Египте и заявила о необходимости призвать власти к ответственности перед судом. Египет оценил такое заявление как вмешательство в свои внутренние дела. В результате этого инцидента обе страны отменили ежегодные совместные военноморские учения¹⁸. Администрация А.Ф. ас-Сиси также приняла решение не продлевать трехлетний контракт транзитной торговли с Турцией, благодаря которому та экспортировала товары в Персидский залив через египетские порты, минуя тем самым опасные маршруты через Сирию и Ирак¹⁹.

Обострение двусторонних отношений обернулось тяжелыми последствиями для всей стратегии внешней политики Анкары. Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Израиль использовали сложившуюся ситуацию для усиления влияния

¹⁷ Akyol M. Turkey condemns Egypt's coup // Al-monitor. 21.08.2013. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/en/originals/2013/08/reasons-turkey-against-egypt-coup.html> (accessed: 20.07.2019).

¹⁸ Türkiye ile ortak tatbikat iptal edildi // Dünya. 16.08.2013. Available at: <http://dunya.com/turkiye-ile-ortak-tatbikat-iptal-edildi-200475h.htm> (accessed: 02.05.2019).

¹⁹ Egypt decides not to renew trade agreement with Turkey // Ihsmarket. 18.03.2015. Available at: <https://ihsmarket.com/country-industry-forecasting.html?ID=1065998881> (accessed: 28.05.2019).

в регионе и привлечения на свою сторону в геополитических процессах такого крупного и стратегически важного игрока, как Египет. Активная антитурецкая кампания, начатая Каиром и Эр-Риядом, способствовала тому, что Турция потеряла место непостоянного члена Совета Безопасности ООН, неожиданно для многих делегатов уступив Испании и Новой Зеландии²⁰.

8 ноября 2014 г. в Каире прошел трехсторонний саммит с участием президента Египта А.Ф. ас-Сиси, премьер-министра Греции Антониса Самараса и президента Кипра Никоса Анастасиадиса. В ходе переговоров была достигнута договоренность о сотрудничестве в энергетической сфере и проведении консультаций для осуществления демаркации границ в Восточном Средиземноморье. В совместном заявлении стороны призывали Турцию прекратить разведку месторождений природного газа в исключительной экономической зоне Кипра²¹.

В августе 2015 г. Египет возобновил дипломатические отношения с Сирией, которые были приостановлены при М. Мурси. Страны договорились о взаимодействии в борьбе с «ИГ»²² и другими исламистскими группировками, включая «Братьев-мусульман»²³.

В сложившейся ситуации Турция попыталась смягчить свою политику по отношению к Египту, заявляя о том, что, несмотря на противоречия и несогласия, народы обеих стран заинтересованы в развитии политических и экономических связей.

В июне 2016 г. новый премьер-министр Турции Бинали Йылдырым заявил, что Анкара никогда не примет военный переворот в Египте 2013 г., однако это «не должно препятствовать коммерческим и экономическим отношениям двух стран», поскольку это отвечает интересам обоих народов²⁴. Р.Т. Эрдоган

²⁰ Turkey loses U.N. Security Council Seat in huge upset // Newsweek. 16.10.2014. Available at: <https://www.newsweek.com/venezuela-malaysia-angola-new-zealand-win-un-council-seats-277962> (accessed: 21.05.2019).

²¹ Misir, Yunanistan, Rum Yönetimi zirvesi // Al Jazeera Türk. 08.11.2014. Available at: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/misir-yunanistan-rum-yonetimi-zirvesi> (accessed: 28.05.2019).

²² «Исламское государство», запрещенная на территории России террористическая организация. — *Прим. ред.*

²³ Staff T. Egypt said to renew diplomatic relations with Assad // Times of Israel. 13.09.2015. Available at: <https://www.timesofisrael.com/egypt-said-to-renew-diplomatic-relations-with-assad/> (accessed: 21.05.2019).

²⁴ Williams S. New Turkey PM extends hand to Israel, other regional foes // Times of Israel. 17.06.2016. Available at: <https://www.timesofisrael.com/new-turkey-pm-extends-hand-to-israel-other-regional-foes/> (accessed: 23.05.2019).

неоднократно подчеркивал, что Турция имеет претензии не к египетскому населению, а к нелегитимному правительству, которое несправедливо вынесло приговоры М. Мурси²⁵ и его сторонникам²⁶. В ответ Каир обвинял Анкару во вмешательстве во внутренние дела Египта, заявляя, что руководство страны было выбрано в ходе свободного демократического голосования, а отправной точкой установления нормальных двусторонних отношений является уважение воли народа²⁷.

* * *

Можно утверждать, что после попытки военного переворота в Турции в 2016 г. кризис в отношениях двух государств еще больше усугубился. В контексте взаимных, порой выходящих за рамки дипломатии претензий и обвинений резкое улучшение ситуации на данном этапе представляется невозможным.

Кроме того, продолжающиеся в Египте преследования членов организации «Братья-мусульмане», которая по-прежнему сохраняет тесные связи с Турцией и Катаром, является еще одним «камнем преткновения» в политических отношениях двух стран. В феврале 2019 г. девять человек были казнены по обвинению в причастности к убийству высокопоставленного прокурора Хишама Баракята в 2015 г. Международное сообщество и правозащитные организации (в частности, Amnesty International) осудили казнь заключенных, подчеркнув, что обвинение и мера наказания, предъявленные египетским судом, являются политически мотивированными²⁸. Это событие стало новым поводом для жесткой критики властей Египта Р.Т. Эрдоганом, который

²⁵ Статья была принята в печать до смерти Мухаммеда Мурси, который скончался 17 июня 2019 г. во время судебного заседания в Каире. Президент Турции Р.Т. Эрдоган резко отреагировал на случившееся, заявив, что Турция «не позволит предать забвению драму Мурси». В своей речи он также заявил, что действующий президент А.Ф. ас-Сиси «не является демократом», а представляет собой пример «тирана» (тур. zalim). Безусловно, смерть М. Мурси и реакция Турции на это событие еще более усугубили напряженность в отношениях между двумя странами и отодвинули на неопределенный срок перспективы их нормализации.

²⁶ Erdoğan'dan Mursi kararına ilk yorum: olumlu gördüm dersem sözde rüşvet olur // Sputnik International. 16.11.2016. Available at: <https://tr.sputniknews.com/turkiye/201611161025832076-erdogan-mursi-idam-yorum/> (accessed: 21.07.2019).

²⁷ Egypt condemns Erdogan for criticizing Cairo's rights record // The Globe Post. 12.11.2016. Available at: <https://theglobepost.com/2016/11/12/egypt-condemns-erdogan-for-criticizing-cairos-rights-record/> (accessed: 21.07.2019).

²⁸ В Египте казнили 9 членов организации «Братья-мусульмане» // Regnum. 22.02.2019. Доступ: <https://regnum.ru/news/2578669.html> (дата обращения: 25.05.2019).

заявил, что не готов встречаться с А.Ф. ас-Сиси, пока тот не освободит всех политзаключенных²⁹.

Вместе с тем Анкара и Каир регулярно заявляют о необходимости развивать культурные и экономические отношения. Следует отметить, что в 2016 г. Египет занял первую позицию среди стран Африканского континента по объему товарооборота с Турцией³⁰.

Сближение в сфере экономики стало проявляться уже в начале 2017 г., когда в Каире прошел первый с 2013 г. турецко-египетский бизнес-форум. С турецкой стороны на мероприятии присутствовал председатель Союза торговых палат и товарных бирж Турции Рифат Хисарджиклыоглу вместе с представителями различных турецких компаний. В ходе форума турецкие делегаты заявили о планах увеличения инвестиций в экономику Египта до 10 млрд долл. к концу 2018 г.³¹ Кроме того, в октябре 2017 г. в Стамбуле состоялся 9-й саммит Исламской восьмерки (D-8), на котором Р.Т. Эрдоган обозначил в качестве приоритетных задач организации увеличение уровня торгового оборота ее членов с 100 до 500 млрд долл. и переход на расчеты в национальных валютах³². В ноябре 2017 г. в Турции был организован очередной турецко-египетский бизнес-форум, целями которого стали продолжение развития экономических отношений между Турцией и Египтом и расширение товарооборота. Примечательно, что в 2018 г. он составил 3,9 млрд долл., увеличившись почти на 900 млн долл. по сравнению с 2017 г.³³

Таким образом, можно утверждать, что экономические связи между Турцией и Египтом демонстрируют положительную динамику. Однако стоит понимать, что этот процесс постепенного налаживания экономических контактов далек от достижения

²⁹ Erdogan: Will not meet Sisi until inmates are released // Middle East Monitor. 24.02.2019. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20190224-erdogan-will-not-meet-sisi-until-inmates-are-released/amp/> (accessed: 25.04.2019).

³⁰ Mısır'ın Türkiye'nin Afrika'da En Fazla Ticaret Yaptığı Ülke Olduğu Açıklandı // Mısır Bülteni. 31.10.2016. Available at: <http://misirbulteni.com/misirin-turkiyenin-afrikada-en-fazla-ticaret-yaptigi-ulke-oldugu-aciklandi/> (accessed: 10.05.2019).

³¹ Turkish investors pledge double investments in 2017 // Daily News Egypt. 30.01.2017. Available at: <http://www.dailynewsegypt.com/2017/01/30/613493/> (accessed: 10.04.2019).

³² Erdoğan urges trade in national currencies at Istanbul D-8 Summit // Daily Sabah. 20.10.2017. Available at: <https://www.dailysabah.com/economy/2017/10/20/erdogan-urges-trade-in-national-currencies-at-istanbul-d-8-summit> (accessed: 10.04.2019).

³³ Türkiye — Mısır Dış Ticareti // Republic of Turkey Ministry of Trade. 12.12.2018. Available at: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teskilati/afrika/misir/ulke-profilu/ekonomik-gorunum/turkiye-ile-ticaret> (accessed: 25.05.2019).

потенциально возможного уровня. Этот факт можно объяснить прежде всего затяжным политическим кризисом, в основе которого — проблема «Братьев-мусульман» и принципиальный для обеих сторон вопрос признания легитимности режима А.Ф. ас-Сиси. Совокупность перечисленных факторов наряду с актуальными событиями и обострением ситуации в Восточном Средиземноморье³⁴ дает основания предположить, что нормализация двусторонних контактов в краткосрочной перспективе является весьма маловероятным путем развития отношений и совершенно точно не примет форму заимствования Египтом «турецкой модели». В целом анализ динамики взаимодействия двух стран после событий «Арабского пробуждения» позволил рельефно обозначить пределы возможностей по имплементации «турецкой модели» в других государствах региона, равно как и существующие ограничения для реализации Турцией своих лидерских амбиций на пространстве Ближнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akkoyunlu K., Nicolaidis K., Öktem K. The Western condition: Turkey, the US and the EU in the New Middle East. South East European Studies at Oxford (SEESOX), 2013.

2. Arslantaş D. The political analysis of the Muslim Brotherhood and the AKP tradition: Why did Turkish model fail in Egypt? A thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University, 2013. Available at: <http://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12616419/index.pdf> (accessed: 20.05.2019).

3. Avcı G. The Justice and Development Party and the EU: Political pragmatism in a changing environment // South European Societies and Politics. 2011. Vol. 16. No. 3. P. 409–421. DOI: 10.1080/13608746.2011.598357.

4. Ayoob M. Beyond the democratic wave in the Arab world: The Middle East's Turko-Persian future // Insight Turkey. 2011. No. 13 (2). P. 57–70.

5. Bal I. Turkey's relations with the West and Turkic republics, the rise and fall of the Turkish model. Burlington: Ashgate, 2000.

6. Brunwasser M. Turkey as a model democracy for Middle East the world. Global perspectives for an American audience. 2011. Available at: www.pro.org/stories/2011-02-21/turkey-model-democracy-middle-east/ (accessed: 03.10.2019).

7. Cerami C. Rethinking Turkey's soft power in the Arab World: Islam, secularism, and democracy // Journal of Levantine Studies. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 129–150.

8. Ceyhun H.E. Turkey in the Middle East: Findings from the Arab Barometer. Arab Barometer Working paper, 2018.

9. Ciddi S. Kemalism in Turkish politics, the Republican People's Party, secularism and nationalism. London: Routledge, 2009.

³⁴ В середине мая 2019 г. Турция начала бурение месторождений в исключительной экономической зоне Республики Кипр. Египет наряду с многими другими государствами осудил действия Турции и принял сторону Республики Кипр.

10. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2010.
11. Dede A.Y. The Arab uprisings: Debating the 'Turkish model' // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 2. P. 23–32.
12. Ennis C.A., Momani B. Shaping the Middle East in the midst of the Arab uprisings: Turkish and Saudi foreign policy strategies // *Third World Quarterly*. 2013. No. 34 (6). P. 1127–1144. DOI: 10.1080/01436597.2013.802503.
13. Göksel O. Deconstructing the discourse of models: The 'battle of ideas' over the post-revolutionary Middle East // *Insight Turkey*. 2013. No. 15 (3). P. 157–170.
14. Habermas J. Modernity versus postmodernity // *New German Critique*. 1981. № 22. P. 3–14.
15. Işıksal H. Turkish foreign policy, the Arab Spring, and the Syrian crisis: One step forward, two steps back // *Turkey's relations with the Middle East / Ed. by H. Işıksal, O. Göksel*. Cham: Springer, 2018. P. 13–32.
16. Javaid U., Waqi Sajjad F. The genesis of the Turkish model // *Journal of Political Studies*. 2015. Vol. 22. Iss. 1. P. 303–318.
17. Kuru A. From Islamism to conservative democracy: The Justice and Development Party in Turkey. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Marriot, Loews, Philadelphia and the Pennsylvania Convention Centre, Philadelphia, PA, 2006. Available at: <http://www.allacademic.com/meta/p151181> (accessed: 21.05.2019).
18. Mitchell T. Rule of experts: Egypt, techno-politics, modernity. Berkeley: University of California Press, 2002.
19. Nagarajan K.V. Egypt's political economy and the downfall of the Mubarak regime // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2013. Vol. 3. No. 10. P. 22–39.
20. Ozkaleli M.F., Konuloglu Ozkaleli U. The myth and the reality about Turkish model: Democratization in the Muslim world. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Philadelphia, PA, 2003. Available at: <http://www.allacademic.com/meta/62697> (accessed: 20.05.2019).
21. Sengupta A. Myth and rhetoric of the Turkish model. Exploring developmental alternatives. New Delhi: Springer, 2014.
22. Sika N. The Arab state and social contestation // *Beyond the Arab Spring: The evolving ruling bargain in the Middle East / Ed. by M. Kamrava*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 73–97.
23. Stein A. Turkey's new foreign policy: Davutoglu, the AKP and the pursuit of regional order. London: RUSI, 2014.
24. Taş H. The 15 July abortive coup and post-truth politics in Turkey // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2018. No. 18 (1). P. 1–19. DOI: 10.1080/14683857.2018.1452374.
25. Taşpınar Ö. Turkey: The new model? // *The Islamists are coming: Who they really are / Ed. by R. Wright*. Washington, D.C.: United States Institute for peace, 2012. P. 127.
26. Tol G. The 'Turkish model' in the Middle East // *Current History*. 2012. No. 111 (749). P. 350–355.
27. Torelli S.M. The rise and fall of the Turkish model for the Middle East // *Turkey's relations with the Middle East / Ed. by H. Işıksal, O. Göksel*. Cham: Springer, 2018. P. 53–64.

28. Ulgen S. From inspiration to aspiration: Turkey in the new Middle East. Carnegie Europe, 2011.
29. White J.B. The end of Islamism? Turkey's Muslimhood model // Remaking Muslim politics / Ed. by R. Hefner. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. P. 87–111.
30. Yavuz M.H. Is there a Turkish Islam? The emergence of convergence and consensus // Journal of Muslim Minority Affairs. 2004. No. 24 (2). P. 213–232.

D.V. Zhigulskaya

**LIMITS OF THE TURKISH MODEL APPLICABILITY
IN THE MIDDLE EAST COUNTRIES
AFTER THE ARAB AWAKENING:
THE CASE OF EGYPT**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991
Institute of Oriental Studies
12 Rozhdestvenka Str, Moscow, 107031*

Painful transformational processes taking place in the Middle East after the Arab Awakening pose not only new threats and challenges for regional actors, but also provide new opportunities for some of them to pursue their geopolitical ambitions and strengthen strategic positions, including through non-traditional methods and tools. In this regard, Turkey's attempts to capitalize on the interest of some governments, which came to power on a wave of dissent, to learn from the Turkish experience in state building deserve independent consideration. These attempts were reflected in the concept of the so called Turkish model. In the early 2010s a particular interest in implementation of the Turkish model was shown by Egypt. The paper examines both the driving forces behind M. Mursi's government special attention to Ankara's example and the reasons that ultimately have led to the failure to operationalize the Turkish model in Egypt and the subsequent dramatic deterioration of bilateral relations. The first section of the paper identifies the key elements of the Turkish model. The author emphasizes that initially this model was aimed at identifying the optimal balance between religious and secular principles in public life. The second section explores M. Mursi's government attempts to implement the Turkish model in Egypt in the first half of 2010s. The author shows that it was economic and political success of Turkey in the 1990s and 2000s including its rapid economic growth and the increase of foreign investments, as well as a successful inclusion of political Islam in the Western-style democratic institutions that primarily attracted the new Egyptian government. However, the author concludes that M. Mursi's government failure to undertake

profound economic, social and political reforms combined with a mixed attitude of the Muslim Brotherhood towards the Turkish model, growing popular discontent and a negative attitude of certain regional actors towards this proclaimed political course of the new Egyptian leaders have eventually led to the military coup and cessation of all attempts to learn from the Turkish experience. The third section outlines implications of the 2013 military coup in Egypt for the bilateral relations. The author concludes that the Egyptian case clearly demonstrates the limits of applicability of the Turkish model in the Middle East countries, as well as limitations of Turkey's regional ambitions.

Keywords: the Republic of Turkey, the Arab Republic of Egypt, the Arab Awakening, Turkish model, the Muslim Brotherhood, the Justice and Development Party, political Islam, secularism, Recep Tayyip Erdogan, Hosni Mubarak, Mohammed Mursi, Abdel Fattah el-Sisi.

About the author: *Darya V. Zhigulskaya* — PhD (History), Associate Professor at the Department of Central Asia and the Caucasus, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow at the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: dvzhigulskaya@gmail.com).

Acknowledgments: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project №17-18-01614.

REFERENCES

1. Akkoyunlu K., Nicolaidis K., Öktem K. 2013. *The Western condition: Turkey, the US and the EU in the New Middle East*. South East European Studies at Oxford (SEESOX).
2. Arslantaş D. 2013. *The political analysis of the Muslim Brotherhood and the AKP tradition: why did Turkish model fail in Egypt?* A thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. Available at: <http://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12616419/index.pdf> (accessed: 20.05.2019).
3. Avcı G. 2011. The Justice and Development Party and the EU: Political pragmatism in a changing environment. *South European Societies and Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 409–421. DOI: 10.1080/13608746.2011.598357.
4. Ayoob M. 2011. Beyond the democratic wave in the Arab world: The Middle East's Turko-Persian future. *Insight Turkey*, no. 13 (2), pp. 57–70.
5. Bal I. 2000. *Turkey's relations with the West and Turkic republics, the rise and fall of the Turkish model*. Burlington, Ashgate.
6. Brunwasser M. 2011. *Turkey as a model democracy for Middle East the world. Global perspectives for an American audience*. Available at: www.pro.org/stories/2011-02-21/turkey-model-democracy-middle-east/ (accessed: 03.10.2019).
7. Cerami C. 2013. Rethinking Turkey's soft power in the Arab World: Islam, secularism and democracy. *Journal of Levantine Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 129–150.

8. Ceyhun H.E. 2018. *Turkey in the Middle East: Findings from the Arab Barometer*. Arab Barometer Working paper.
9. Ciddi S. 2009. *Kemalism in Turkish politics, the Republican People's Party, secularism and nationalism*. London, Routledge.
10. Davutoğlu A. 2010. *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. İstanbul, Küre Yayınları.
11. Dede A.Y. 2011. The Arab uprisings: Debating the 'Turkish model'. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 2, pp. 23–32.
12. Ennis C.A., Momani B. 2013. Shaping the Middle East in the midst of the Arab uprisings: Turkish and Saudi foreign policy strategies. *Third World Quarterly*, no. 34 (6), pp. 1127–1144.
13. Göksel O. 2013. Deconstructing the discourse of models: The 'battle of ideas' over the post-revolutionary Middle East. *Insight Turkey*, no. 15 (3), pp. 157–170.
14. Habermas J. 1981. Modernity versus postmodernity. *New German Critique*, no. 22, pp. 3–14.
15. Işıksal H. 2018. Turkish foreign policy, the Arab Spring, and the Syrian crisis: One step forward, two steps back. In Işıksal H., Göksel O. (eds.). *Turkey's relations with the Middle East*. Cham, Springer, pp. 13–32.
16. Javaid U., Waqi Sajjad F. 2015. The genesis of the Turkish model. *Journal of Political Studies*, vol. 22, iss. 1, pp. 303–318.
17. Kuru A. 2006. *From Islamism to conservative democracy: The Justice and Development Party in Turkey*. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Marriot, Loews, Philadelphia and the Pennsylvania Convention Centre, Philadelphia, PA. Available at: <http://www.allacademic.com/meta/p151181> (accessed: 21.05.2019).
18. Mitchell T. 2002. *Rule of experts: Egypt, techno-politics, modernity*. Berkeley, University of California Press.
19. Nagarajan K.V. 2013. Egypt's political economy and the downfall of the Mubarak regime. *International Journal of Humanities and Social Science*, vol. 3, no. 10, pp. 22–39.
20. Ozkaleli M.F., Konuloglu Ozkaleli U. 2003. *The myth and the reality about Turkish model: Democratization in the Muslim world*. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Philadelphia, PA. Available at: <http://www.allacademic.com/meta/62697> (accessed: 20.05.2019).
21. Sengupta A. 2014. *Myth and rhetoric of the Turkish model. Exploring developmental alternatives*. New Delhi, Springer.
22. Sika N. 2015. The Arab state and social contestation. In Kamrava M. (ed.). *Beyond the Arab Spring: The evolving ruling bargain in the Middle East*. Oxford, Oxford University Press, pp. 73–97.
23. Stein A. 2014. *Turkey's new foreign policy: Davutoglu, the AKP and the pursuit of regional order*. London, RUSI.
24. Taş H. 2018. The 15 July abortive coup and post-truth politics in Turkey. *Southeast European and Black Sea studies*, no. 18 (1), pp. 1–19. DOI: 10.1080/14683857.2018.1452374.
25. Taşpınar Ö. 2012. Turkey: The new model? In Wright R. (ed.). *The Islamists are coming: Who they really are*. Washington, D.C., United States Institute for peace, p. 127.

26. Tol G. 2012. The 'Turkish model' in the Middle East. *Current History*, no. 111 (749), pp. 350–355.
27. Torelli S.M. 2018. The rise and fall of the Turkish model for the Middle East. In Işıksal H., Göksel O. (eds.). *Turkey's relations with the Middle East*. Cham, Springer, pp. 53–64.
28. Ülgen S. 2011. *From inspiration to aspiration: Turkey in the new Middle East*. Carnegie Europe.
29. White J.B. 2004. The end of Islamism? Turkey's Muslimhood model. In Hefner R. (ed.). *Remaking Muslim politics*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, pp. 87–111.
30. Yavuz M.H. 2004. Is there a Turkish Islam? The emergence of convergence and consensus. *Journal of Muslim Minority Affairs*, no. 24 (2), pp. 213–232.